

Мы призваны в общение

Сергей Аверинцев

*Верен Бог, Которым вы призваны в общение
Сына Его Иисуса Христа, Бога нашего.
(1 Кор. 1:9)*

*...о том, что мы видели и слышали,
возвещаем вам, чтобы и вы имели
общение с нами:*

*а наше общение — с Отцом и Сыном Его,
Иисусом Христом.
(1 Ин. 1:3)*

Самое первое правило, касающееся общения с Богом, правило, которое должен знать каждый: в этом делании нет места воображению. Как сказала замечательная религиозно-философская писательница нашего столетия Симона Вейль, воображение перекрывает именно те каналы, по которым только и может дойти до нас реальная, действенная благодать.

Традиционный язык аскетики именуется духовный самообман «прелестью» (тот же корень, что в слове «лесть»). Если грех, вина, суета препятствуют общению с Богом, то «прелесть» подменяет его собой, исключая самую его возможность. С Богом можно встретиться везде — даже в аду, как сказано псалмопевцем: «сойду ли в преисподнюю — и там Ты» (Пс. 138:8); христианская традиция говорит о сошествии Христа в ад... Есть только один род места, где встреча с Богом невозможна по определению: это место воображаемое. Там можно встретить только отдельный призрак Бога — и да оградит Ангел-Хранитель каждого из нас от такой встречи!

Есть только один персонаж, через которого немислимо быть пророчеству: это лже-пророк. Дух дышит, где хочет, и Валаамова ослица пророчествовала; но лжепророк выдумал себя как пророка, себя, которого на деле просто нет — как же Богу разговаривать с тем, кого нет? Ни одна сама-малейшая реальная тайна не раскроется сердцу, утешающемуся тайнами мнимыми. Почему отпетым грешникам, по смыслу стольких евангельских текстов, легче встретиться с Богом, чем фарисею? Потому, и только потому, что они не обманывают себя относительно состояния своего «я»; а фарисей принимает за свое «я» некую внешнюю личину. Он, в самом буквальном смысле, как сказал бы ребенок, «воображает о себе».

Еще не все пропало, пока в стене, замкнувшей нашу «самость», есть окно. Через которое можно видеть сущее — то, что реально, ибо не подвластно нашему своеволию.

Вещи, каковы они суть. Ближний, каков он есть. И во всем, бесконечно отличный от всего — лик Бога. Его взгляд через окно. Чем больше мы ограничили наше себялюбие, тем шире окно. Но вот когда мы впадаем в состояние «прелести», мы закрываем окно — зеркалом.

Перед зеркалом наше «я» может принимать позы, самые что ни на есть благочестивые, благообразные и благолепные. Оно может вперять в гладь зеркала, пока в нем не замаячат фантомы нашего подсознания, миражи нашей внутренней пустыни. Это — самая безнадежная ситуация. Для любого общения и для общения с Богом как самого глубокого из общений, эгоизм и эгоцентризм равно губительны; а возможно, эгоцентризм даже злокачественнее грубого эгоизма. Эгоизм — явное, постыдное торжество самого низменного в человеке; а эгоцентризм, переориентируя на иллюзию весь внутренний состав человека, способен превратить в ложь и возвышенное в нем. Находящийся в «прелести» эгоцентрик может весь замирать от восторга перед собственной готовностью на жертву ради Бога и ближнего. Но его необходимое условие при этом — чтобы и ближний, и Бог были его фантазиями, проекциями вовне его собственной психики. Ни реального ближнего, ни реальности Бога эгоцентрик не примет. От всего действительного он надежно укрыт своим зеркалом, занявшим место окна.

Основа общения — уважение к свободе личного бытия того, с кем мы общаемся. Злая воля «самости» стремится поработить ближнего, поглотить его личность. Она посягает и на верховную свободу Бога. Это странно и страшно, однако довольно обычно: человек, казалось бы, искренне верующий, спешит безапелляционно решать за Бога, подсказывать ему свои приговоры, выражает собственную волю как Его волю.

Даже праведнику не всегда легко смириться с тем, что Бог — свободен. Библейская книга пророка Ионы повествует об огорчении, о раздражении человека, возроптавшего на Бога за то, что Бог в суверенном акте помилования отменяет собственный приговор, дает духу Своей любви восторжествовать над буквой Своего слова. Абстрактное «Высшее Существо», любезное философам «Божественное Начало» ни за что так не поступило бы. А вот Бог Живой — поступает. «Мне ли не пожалеть Ниневию, города великого, в котором более ста двадцати тысяч человек, не умеющих отличить правой руки от левой, и мно-

жество скота?» — вот Его ответ негодующему пророку. Особенно поразительно упоминание домашних животных: подумать только, теплое дыхание скота — реальность, ради которой Судия берет слово назад и перемениет предначертанную судьбу обреченного города. Он свободен — пожалеть. Пока мы, с верой или скепсисом, понимаем это более или менее сентиментально, может показаться, будто проблем не утешительнее ли, в самом деле, иметь Бога, Который способен помиловать, нежели немилостивого? Разве что для скептика такая перспектива особенно недостоверна как раз в силу своей утешительности — человеку свойственно, скажет он, принимать желаемое за действительное; даже его скептицизма едва ли хватит на то, чтобы усомниться, дей-

ствительно ли желаемо желаемое. Но дело не так просто. Пока речь идет о том, чтобы пожалели нас, простили и помиловали нас — нам это нравится. (Господи, в наших городах миллионы людей не умеют отличить правой руки от левой — смилуйся над нами!) Проблемы возникают, когда предмет вольной, а поэтому поистине неисповедимой милости Божией — не мы, а некто иной. Этот иной может быть злым обидчиком. Пожалуй, мы особенно уверены в нашем праве требовать от Бога неумолимости в тех случаях, когда обида — не личная, а национальная, всенародная. Во время войны у одного очень уважаемого иерарха вырвалось заверение, что немцев Бог не любит и любить не может. Не так ли пророк Иона пытался возбранить Богу любить ниневитян — злейших врагов его народа? Но ему пришлось простонать: «Потому я и побежал в Фарсис, ибо знал, что Ты — Бог благий и милосердый, долготерпеливый и многомилостивый и сожалеешь о бедствии». Бог жалеющий. Бог живой.

Свободу Бога не всегда легко принять и тогда, когда Он милует тех, кто нам вовсе не враги. Вспомним евангельскую притчу о блудном сыне. Старший брат, наверное, очень удивился бы, если бы мы спросили, считает ли он младшего своим врагом. Но он настолько уязвлен щедростью прощения, которое отец излил на младшего, что ему не хочется войти в отцовский дом и делить общее веселье. Как же, он жизнь свою положил на то, чтобы заслужить, заработать свои сыновние права в доме. И этого засуженного, заработанного, причитающегося права у него никто не отнимает; от отца еще раз подтверждено: «сын мой! Ты всегда со мною, и все мое — твое» (Лк. 15:31). Но младший, который ничего не выслужил

себе, кроме срама, — ну, пусть бы еще отец его простил на каких-то условиях; но зачем, зачем это прощение — такое праздничное, пиршественное, безгранично-щедрое? Что бы ни было, благонравный исполнитель отцовских приказов хотел бы удержать чувство превосходства над кающимся беспутником, которое соответствует понятию «справедливости». (То же понятие — у других персонажей евангельских притчей, например, у фарисея, благодарящего Бога за то, что он, фарисей, не таков, как прочие, грешные люди, или у работников, сполна получивших договорную плату, но обиженных тем, что их товарищи, нанятые попозже и работавшие поменьше, из чистой милости получили столько же). Всем этим «правильным» людям хотелось бы, чтобы Бог миловал не чересчур великодушно, а в

меру, не «переборщив». Это значит, что в тайне своей души, быть может, не вполне понимая, что делает, каждый из них навязывает Богу свою собственную меру. И каждому из них Бог отвечает: «разве Я не властен в своем делать, что хочу? Или глаз твой завистлив оттого, что Я добр» (Мф. 20:15). И еще: «не ваши пути — пути Мои» (Ис. 55:8).

Есть люди, которым легче телом и душою повергаться перед Богом во прах, простираться ниц перед Его беспредельным и запредельным величием, чем каждый миг воздавать Ему самое простое уважение, такое, какое мы обязаны воздавать даже ближнему, даже равному, тем более — старшему. Простая наука, которой хорошие родители учат детей. Дослушивать, не перебивая. Притихнуть, чтобы как следует расслышать. Не стараться непременно оставить себе в разговоре последнее слово. Не «вклиниваться» в речь Собеседника, не подсказывать Ему. Без этих элементарных правил общение вовсе невозможно; тем более — общение с Богом.

У самых истоков библейской традиции — запрет: не сотвори себе кумира. Кумир здесь — не просто произведение языческой религиозной пластики, божок из дерева, камня или металла. Кумир — это материализация кощунственной идеи о божестве, которым можно манипулировать. Будучи сотворен руками человеческими, кумир остается во власти этих рук, как магическое орудие, при помощи которого община может расширить свою власть над миром зримым и незримым. Кумир — так сказать, нужная вещь. Выбор между ним и Богом Живым Библии — это выбор между манипуляцией и общением. Самый решающий выбор, который мы вновь и вновь совершаем в нашей жизни. А

**Кумир — это материализация
кощунственной идеи о божестве,
которым можно манипулировать**



Сергей Сергеевич АВЕРИНЦЕВ (1937–2004), русский филолог, культуролог, библеист, переводчик.

Основные направления его научных исследований — история позднеантичной, раннехристианской, византийской, европейской и русской культур и литератур, история богословской и философской мысли, христианская традиция в европейской мысли и литературе, новозаветная литература на фоне позднеантичной культуры, патристика, средневековая христианская гимнография и агиография, византийская литература и философия, схоластика, историческая поэтика, немецкая литература романтизма (К. Брентано) и неоромантизма (Г. Тракль, Г. Гессе).

С. Аверинцев — автор многочисленных переводов древних (с древнегреческого, латинского, древнееврейского и сирийского языков) и современных авторов (с немецкого, французского и польского языков).

Умер 21 февраля 2004 в Вене, где читал курс лекций.

Его последней большой работой был перевод и комментарий синоптических Евангелий.